

АНАЛИЗ РЕЦЕПЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ РИМСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Романова Наталья Владимировна
старший преподаватель, СЗИУ РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург
romanova-nav@ranepa.ru

ANALYSIS OF THE RECEPTION OF CERTAIN PRINCIPLES OF ROMAN INHERITANCE LAW IN THE EUROPEAN LEGAL TRADITION

N. Romanova

Summary. Roman law is still an important source of knowledge of current law, it is the basis of all modern continental codifications of civil law, as well as the indisputable core of private law. The same applies to inheritance law. This article is devoted to the analysis of certain principles of Roman inheritance law and their reflection in the legal systems of Central Europe.

Among the principles devoted to, and to which they are directly related, are the principle of compulsory share and the principle of *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest*. Since Roman law is considered to be the unrivaled model in many modern codifications of civil law, it is pertinent to consider the extent to which contemporary European law is genuinely inspired by Roman law, despite a declared return to its Roots.

The purpose of the article is to formulate each of these principles of Roman law and to describe its development over time, as well as to analyze the relevant provisions of the codes, in particular the Austrian General Civil Code of 1811, with an emphasis on whether the relevant principles were adopted «donor» or perhaps the legislator of the XIX turned away from them. This study is necessary for understanding the current legislation and opens up space for other questions, including the suitability of the modern concept of inheritance law.

Keywords: Reception of law, reception, legal transplantation, law and society, success of the reception of law, inheritance law, reception of the provisions of Roman law on inheritance, European legal tradition.

Аннотация. Римское право до сих пор является важным источником знания действующего права, оно является основой всех современных континентальных кодификаций гражданского права, а также неоспоримым стержнем частного права. То же самое относится и к наследственному праву. Данная статья посвящена анализу отдельных принципов римского наследственного права и их отражение в правовых системах Центральной Европы. К числу принципов, посвященных наследованию, и с которыми они непосредственно связаны, относятся принцип обязательной доли и принцип *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest*. Поскольку римское право считается непревзойденной моделью во многих современных кодификациях гражданского права, уместно рассмотреть, в какой степени современное европейское законодательство действительно вдохновлено римским правом, несмотря на декларируемое возвращение к его корням. Цель статьи состоит в том, чтобы сформулировать каждый из этих принципов римского права и описать его развитие с течением времени, а также проанализировать соответствующие положения кодексов, в частности Австрийского Общего гражданского кодекса 1811 года, с акцентом на то, были ли приняты соответствующие принципы «донорскими», или, возможно, законодатель XIX отвернулся от них. Данное исследование необходимо для понимания действующего законодательства и открывает пространство для других вопросов, в том числе о пригодности современной концепции наследственного права.

Ключевые слова: Рецепция права, рецепция, правовая трансплантация, право и общество, успешность рецепции права, наследственное право, рецепция положений римского права о наследовании, европейская правовая традиция.

Введение

Под наследованием в римском праве понимается переход прав и обязанностей от умершего к наследникам, как утверждал Юлиан, что «наследство есть не что иное, как вступление ко всем правам, которыми обладал умерший». Важно подчеркнуть юлиановское выражение *universum*, которое доказывает, что римское наследование связано с принципом всеобщей преемственности, т.е. наследования всего сословия (*hereditas*), а не единичного наследования. Это подтверждают и установления Гая [6, с. 563].

Наследственное право континентального типа проистекает из древнего конфликта двух противоречащих друг другу принципов — принципа приобретательской свободы и принципа «семейственности» в наследственном праве.

С одной стороны, есть автономия воли наследодателя, с другой — семья наследодателя, ее отношения к умершему и ее безопасность, в том числе экономическая.

Катержина Роновска и Властимил Пихера говорят о праве законных наследников, ссылаясь на Эмануэля

Тильша и Кнута Вернера Ланге, как о некоем компромиссе между «старым принципом семейной собственности как собственности семейной общины (*«das Gut rinnt wie das Blut»*), с одной стороны, и более молодым принципом неограниченной свободы приобретения наследодателем, с другой» [9, с. 520–525]. Таким образом, руководящий принцип волевой автономии ограничен регулированием прав законных наследников, которые связаны либо с сохранением определенной части имущества законными наследниками посредством так называемого «резерва» (например, французский *réserve* в Гражданском кодексе и основанных на нем правовых кодексах) либо посредством обязательной доли (*pflichtteil* в немецкоязычном регионе, *zachowek* в польском праве и т.д.) [1, с. 99].

Общий гражданский кодекс (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch*, далее именуемый ABGB), обнародованный Императорским указом Франциска I под No 946/1811 Coll., рассматривает наследственное право во втором томе, главы с восьмой по пятнадцатую почти в трехстах разделах. Принцип обязательной доли, т.е. доли, на которую имеет право претендовать так называемый законный наследник несмотря на то, что она не была ему сохранена, как проявление ознакомления с правом наследования, также известен в ABGB, в четырнадцатой главе под названием *«Von dem Pflichttheile und der Anrechnung in den Pflicht — oder Erbtheil»*, включая §§ 762–796 [15, с. 324].

О том, в какой степени отдельные части этого принципа воспринимаются или вдохновляются римским правом, будет подробно рассказано ниже, а вот утверждение о том, что австрийское наследственное право, закрепленное в ABGB, а также, например, прусский *ланддрехт*, в случае принципа обязательной доли связывает общее решение этого принципа с римским правом, отличающимся лишь деталями, можно найти в юридической литературе XIX века. Эти правовые системы связаны решением принципа обязательных долей, который, хотя и позволяет наследодателю свободно распоряжаться своим имуществом, ограничивает его по отношению к семье, что в юридической литературе рассматривается не только как исполнение воли законодателя, но и как служение закону нравственности [13]. Осведомленность о римском правовом принципе обязательной доли была неоспоримой, и в комментарии, опубликованном через девять лет после вступления в силу ABGB, признаются римско-правовые корни принципа обязательной доли, тем самым подтверждая его принятие современным австрийским гражданским правом [7, с. 89]. Венский учебник гражданского права 1834 года также подтверждает принятие принципа обязательной доли [14, с. 295].

Согласно ABGB, дети (или потомки) умершего, или его родители (или родственники по восходящей линии),

считаются законными наследниками, а, если прямых потомков нет, то лица отвечающие требованию правопреемства «как только у этих лиц возникает право и порядок правопреемства наследства».

Австрийское право, как и римское, предусматривало обязательную долю для тех лиц, которые имели неотъемлемое право на обеспечение умершим.

Что касается потомков, то они имеют право на половину законной доли в качестве обязательной доли в соответствии с разделом 765 и треть законной доли наследодателя. Тем не менее, даже существующее австрийское общее право было знакомо с институтом «обязательной доли» до принятия ABGB, но оно применялось только к детям покойного. И не только на территории Австрии, но и в районе Галиции. Статья 562 Гражданского кодекса Галиции предусматривает, что супруг умершего является абсолютным наследником [5, с. 8–11].

ABGB отказался от этой концепции и, как уже было сказано, предусмотрел в статье 762, что только дети и родители являются законными наследниками, в то время как супруг имеет право только на достойное содержание в соответствии со статьей 796 ABGB.

Тем не менее, обязательная доля в концепции ABGB не является формальным или материальным правом абсолютного наследника, как это было известно в древнеримском праве, а представляет собой простое требование такого наследника к наследникам по завещанию, тем самым склоняясь к концепции Юстиниана [8, с. 123].

Что касается распространения термина «дети» на внуков и правнуков, а также понятия «родители» на всех бабушек и дедушек, а также равенства мужчин и женщин и незаконнорожденных, как это предусмотрено в статье 763, то ABGB никоим образом не отступил от предыдущего австрийского законодательства [7, с. 89].

Необходимо обратить внимание на статью 767 ABGB, которая предусматривает, что право на обязательную долю не имеет лицо, которое отказалось от права наследства, исключено из него или надлежащим образом лишено наследства. Здесь можно говорить о принятии по отношению к должным образом лишенному наследства лицу, которое тем самым также теряло право на обязательную долю и в римской правовой традиции.

Если речь шла о прижизненном дарении наследодателя с целью сокращения срока наследования наследника, то данная правовая конструкция не была новой для австрийского права и были реципирована из римского права, а именно: из отрывка из Послания Павла мы знаем, что в таком случае римский закон предписывает вернуть половину имущества, пожертвованного таким

образом, чтобы покрыть обязательные доли законных наследников [16].

Статья 785 ABGB позволяет законному наследнику — потомку требовать добавления всех пожертвований к имуществу, чтобы его обязательная доля могла быть рассчитана из этой суммы. Если обязательная доля, рассчитанная таким образом, настолько высока, что наследственной массы недостаточно для ее покрытия, законный наследник может, в соответствии с параграфом 951 ABGB, потребовать передачи прижизненного дара для покрытия недостачи в обязательной доле, в то время как одаряемый имеет права на отказ, выплатив соответствующую компенсацию.

Четырнадцатая глава ABGB, касающаяся обязательной доли, также касается и лишения наследства, которое представляет собой законно выраженное волеизъявление, направленное на изъятие обязательной доли или ее части, которое может быть сделано письменно или устно. В нем, в частности, указываются причины лишения наследства как ребенка (потомка) в § 768, так и родителей (родственников) в § 769 [8, с. 134].

ABGB предусматривает положения о том, что недостойное лицо вообще не имеет права на обязательную долю в наследстве. В § 540, который, объявляет недостойным наследником лицо, которое «злонамеренно причинило вред завещателю, его детям, родителю или его супруге злой умыслом чести, телу или имуществу...», если оно не было прощено, и здесь мы видим рецепцию римского права Юстиниана.

Положение § 542 ABGB, которое объявляет недостойным, т.е. лишенным наследства по § 770 лицо, которое «заставило или обманом путем соблазнило завещателя выразить свою последнюю волю, препятствовало объявлению или изменению последней воли или скрыло уже установленную от него последнюю волю», может быть прочитано как отражение вышеупомянутой нормы римского права.

Основание для лишения наследства, состоящее в отступничестве от христианства, которое было установлено § 768, мы видим рецепцию положений римского права. Закон Юстиниана включал отступничество от христианства, которое он считал ересью, в число исчерпывающих оснований для лишения наследства, на которое претендовали наследники [12].

Однако, в то время как австрийский кодекс не оговаривал, что должно произойти в случае, если такой лишенный наследства потомок вернется в лоно Церкви, римское право предусмотрительно учитывало и это.

В случае лишения наследства родителей как законных наследников свои детей в соответствии с ABGB к ним

применяются те же основания в соответствии со статьей 769, что и к лишению наследства детей, только они применяются в случае пренебрежения воспитанием.

Согласно лингвистическому толкованию положений, такое пренебрежение образованием является более широким понятием, чем пренебрежение, как оно известно в Конституции Юстиниана, которая рассматривает в качестве основания для лишения родителей наследства только ситуацию, когда родители пренебрегли заботой о ребенке, страдающем психическим заболеванием.

В параграфе 771 ABGB требуется, чтобы причина лишения наследства всегда была доказана и обоснована наследником, независимо от того, была ли она выражена покойным или нет. Что касается модели римского права в отношении этого требования к наследникам по завещанию, то римская юридическая литература придерживается мнения, что закон Юстиниана возлагал бремя доказывания на такого наследника только в том случае, если причина лишения наследства оспаривалась [3, с. 467].

Таким образом, принцип обязательной доли является некой формой социальной защиты наследников, не упомянутых в завещании, которое отдает приоритет незащищенным наследникам над абсолютной свободой наследодателя распоряжаться своим имуществом совершенно произвольно в случае его смерти. Его цель — обеспечить ближайших членов семьи умершего — так называемых законных наследников. Таким образом, обязательная доля всегда является частью имущества, оставленного или подлежащего истребованию, размер которого зависит от размера предусмотренной законом доли наследника (подлежащего обращению). В этом отношении рассмотренные правовые системы не отличаются, если отвлечься от самого начала развития римского права, которое характеризовалось абсолютной свободой наследодателя, которая, однако, вскоре исчезла в связи с развитием так называемых формальных или материальных прав наследования.

Разница в понимании обязательной доли и положения самого законного наследника в сравниваемых правовых системах заключается в самом факте того, является ли этот наследник истинным наследником. Из приведенного толкования следует, что в то время, как в праве Юстиниана такой «абсолютный» наследник действительно являлся наследником, или было оговорено, что такой абсолютный наследник имеет право быть назначенным наследником, классическое римское право и европейский ABGB, который был вдохновлен римскими положения о наследовании, сделали «законного» наследника просто должником по отношению к «обязательным» наследникам умершего, тем самым поставив под сомнение саму концепцию законного завещательного наследства.

Что же касается связи между двумя основаниями лишения, то римское наследственное право явно знало, то оно развивалось вместе с римским обществом, которое оно отражало и которому служило. Наследование по завещанию быстро завоевало свое место и стало привилегированным. Первоначальная концепция абсолютной свободы завещания со временем была отброшена, и наследодатель был связан многими правилами, среди которых важное место занимают законные наследники и их формальные и материальные права, а также возможности их правовой защиты. Одновременное использование обоих наследственных институтов было исключено одним из основополагающих принципов наследственного права *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest* в связи с их фундаментальным противоречием и несовместимостью.

Принцип не позволял, чтобы помимо наследников по завещанию, если все имущество не было исчерпано по завещанию, существовали иные наследники, и даже в таком случае назначенные наследники становились наследниками всего имущества. Однако из этого четкого принципа был ряд исключений, при этом обращалось внимание на институт так называемого «военного» завещания и, в связи с принципом обязательной доли, также на приобретение имущества по завещанию. Эти два исключения призваны продемонстрировать тот факт, что даже римское право знало случаи, когда основной принцип был отменен и были разработаны институты, которые позволяли обоим основаниям для наследования существовать бок о бок.

Например, с помощью «военного» завещания государь предоставлял солдатам возможность пользоваться этой привилегированной формой завещания, установление которой не соответствовало такому количеству формальных условий, как установление классического завещания по гражданскому праву. По этому завещанию солдат мог оставить свое имущество более широкому кругу наследников, чем это было принято. Вторым ис-

ключением, на которое обращают внимание, в связи с этим принципом, является наследование по завещанию, которое было получено наследниками, неуказанными в завещании если они просили претора представить его. В конечном итоге, наследство де-факто приобрели те, кто не был указан в завещании, т.е. наследование происходило против воли наследодателя.

Таким образом, связь между этими двумя последовательностями в римском праве была очень сложной. С одной стороны, существует его чистая форма, в которой две причины для создания не могли существовать бок о бок, и в то же время существовало более одного исключения. Было интересно проследить дальнейшее развитие этой взаимосвязи двух последовательностей вплоть до настоящего времени или сравнить римские правовые основания с современным законодательством и проследить, к какому выбору склонялся законодатель в отдельных континентальных правовых порядках, будь то первоначальная формулировка *maxima nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest* или в принцип одного из исключений. В отличие от принятой в Римском праве концепции совмещения двух наследственных правопреемств, современная правовая система отступила от этого принципа в отношении свободы наследодателя, которая также заключается в свободе не составлять завещание на все имущество, а оставить часть, которая будет унаследована по закону.

Вывод

Можно сделать вывод, что положения о наследовании, содержащиеся в современных гражданских кодексах континентальной Европы, где ранее распространяла свою юрисдикцию Австрийская империя в подавляющем большинстве случаев были реципированы положениями ABGB, которые, во многих случаях заимствовали римское наследственное право, будь то классическое римское право или юстиниановское.

ЛИТЕРАТУРА

1. ELIÁŠ, Karel. Základní pojetí návrhu úpravy dědického práva pro nový občanský zákoník. In: Ad notam. Notářský časopis. Ročník 9, 27. 10. 2003, č. 5/2003, s. 97–104.
2. HONSELL, Heinrich: Römisches Recht. 8. vydání. Berlin/Heidelberg: Springer-Verlag, 2015. ISBN 978-36-6245-869-3.
3. HONSELL, Heinrich, Theo MAYER-MALY a Walter SELB. Römisches Recht. 4. vydání. Berlin/Heidelberg/New York/London/Paris/Tokyo: Springer-Verlag, 1987. ISBN 978-35-4016-866-9.
4. HORÁK, Ondřej. Tzv. nepominutelný dědic v novém občanském zákoníku. In: Právní rozhledy. 2014, č. 11, s. 381–386. In: beck-online [právní informační systém]. Nakladatelství C. H. Beck [cit. 2020-03-17].
5. HORÁK, Ondřej. K. A. Martini a první moderní úprava dědického práva. Ke 220. výročí (západo)haličského občanského zákoníku. In: Ad notam. Časopis českého notářství. Ročník 23, 20. 12. 2017, č. 6/2017, s. 8–11.
6. KASER, Max. Das römische Privatrecht. Erster Abschnitt. Das altrömische, das vorklassische und klassische Recht. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1955.
7. LINDEN, Joseph. Das früher in Oesterreich übliche gemeine und einheimische Recht nach der Paragraphenfolge des neuen bürgerlichen Gesetzbuches. 2. díl. Wien/Triest: Verlag der Geistinger'sche Buchhandlung, 1820.
8. MAYR-HARTING, Robert. Soustava občanského práva. Kniha pátá. Právo dědické. Brno: Barvič & Novotný, 1927.

9. RONOVSÁ, Kateřina a Vlastimil PIHERA. (Ne)pominutelný dědic. Kontroverze, rizika a možnosti změn. In: Právní rozhledy. 2019, č. 15–16, s. 520–525. In: beck-online [právní informační systém]. Nakladatelství C. H. Beck [cit. 2020-05-28].
10. ROUČEK, František a Jaromír SEDLÁČEK. Komentář k Československému obecnému zákoníku občanskému a občanské právo platné na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Komentář k § 531–§ 551 Obecného občanského zákoníku. In: CODEXIS [právní informační systém]. ATLAS consulting [cit. 2020-03-10].
11. ROUČEK, František a Jaromír SEDLÁČEK. Komentář k Československému obecnému zákoníku občanskému a občanské právo platné na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Komentář k § 727–§ 761 Obecného občanského zákoníku. In: CODEXIS [právní informační systém]. ATLAS consulting [cit. 2020-03-10].
12. ROUČEK, František a Jaromír SEDLÁČEK. Komentář k Československému obecnému zákoníku občanskému a občanské právo platné na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Komentář k § 762–§ 796 Obecného občanského zákoníku. In: CODEXIS [právní informační systém]. ATLAS consulting [cit. 2020-03-10].
13. SCHULTZENSTEIN, Max. Beiträge zur Lehre vom Pflichttheilsrecht. Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1878.
14. VON WINIWARDER, Joseph. Das österreichische bürgerliche Recht: Des dinglichen Sachenrechtes nach dem österreichischen allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuche. 2. část. Wien: J.G. Ritter von Mösele sel. Witwe, 1834.
15. Obecný zákoník občanský císařství Rakouského ku potřebě každého občana vysvětlen a potřebnými formuláři opatřen od praktického právníka. Praha: Mikuláš a Knapp, 1874.
16. Dig. 31.87.3 Paulus lib. 14 resp.
17. císařský patent č. 946/1811 Sb. z. s., všeobecný zákoník občanský
18. dvorský dekret č. 781/1844 Sb. z. s.

© Романова Наталья Владимировна (romanova-nav@ranepa.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»